

спасти рядового

воспоминания о войне Леонида Волынского

МАРИЯ ТЕРЕЩЕНКО

В поставленное на широкую ногу празднование 60-летия Победы внесли свою лепту и издательства, благодаря чему книжные магазины заполнились военной литературой — как в старые добрые времена. Среди пугающих своей толщиной сборников военной поэзии и сотых по счету переизданий мэтров военной прозы можно обнаружить весьма приятные и неожиданные книжки. Например, сборник прозы Леонида Волынского «Сквозь ночь».

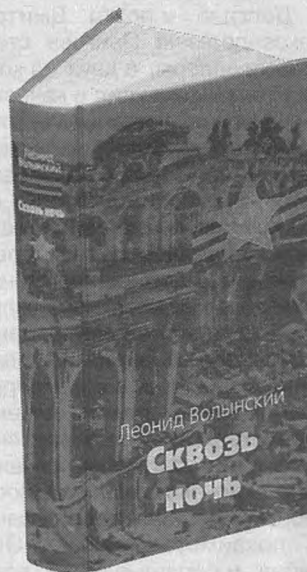
Имя Леонида Волынского знакомо, к сожалению, немногим, и даже теми немногими уже почти забыто. И этот факт в очередной раз доказывает, что страна наша упорно не хочет знать своих героев. А между тем помнить Волынского стоило бы, если не за прекрасную прозу, так хотя бы за спасение полотен Дрезденской картинной галереи. Впрочем, начинать историю Леонида Рабиновича (автоним Волынского) стоит не с этого, а с событий, описанных в заглавном автобиографическом рассказе «Сквозь ночь».

Молодой человек идет на фронт добровольцем и попадает сразу же в знаменитый «киевский котел». Его вместе с сотнями других солдат берут в плен немцы. Пленных собирают на колхозном дворе села Ковали. Немецкий офицер требует, чтобы из общей толпы вы-

шли комиссары, коммунисты и евреи — на расстрел. Леонид добровольно не выходит. Его сдает товарищ за право взять его одежду и часы. Но, когда герой уже стоит в ряду смертников, происходит чудо. Тот самый немецкий офицер, встретившись с ним взглядом, задает вопрос:

— Комиссар?

Я качнул головой: «Нет». Это была правда. Вряд ли я стал бы лгать в ответ на следующий вопрос, которого ждал. Но больше он ничего не спросил. «...» Он повернулся к унтер-офицеру, сказал ему что-то по-немецки — быстро, отрывисто, — а затем крикнул мне: — Weg! Лезешь, куда не следуешь... — Странное подобие улыбки промелькнуло на его мучительно бледном лице. Обернувшись, он прокричал: — Отдайте ему одежду!



И герой возвращается на место. Единственный из 400 смертников. События и дальше развиваются, как в приключенческом романе. Пленных гонят в сторону Кременчуга. Главному герою и двум его товарищам удается сбежать. Они пробиваются на фронт, останавливаются в какой-то деревне на некоторое время, снова попадают в плен и снова бегут.

Но главное в рассказе «Сквозь ночь», как и в других военных произведениях Волынского, не интригующий сюжет, наполнен-

ный злосчастными случайностями и чудесными совпадениями. В центре повествования — война. «Большая история с ее окончательными выводами есть не что иное, как осмысленный итог отдельных, пусть небольших, историй», — говорит автор и рассказывает свою небольшую историю о войне, в которой он участвовал. И история эта настолько правдива, точна в деталях, что буквально физически можно почувствовать и липкий страх, и беспомощность солдат, сталкивающихся не с живыми людьми, а с падающими на голову бомбами, и то жгучее остервенение, которое захлестывает их при виде уже настоящих немцев, и шок от осознания, что эти самые фашисты тоже люди со своими историями, семьями, чувствами и страхами.

Военная проза Волынского отличается от большинства советских книг о войне. Автор не ударяется ни в пафос антифашистской борьбы, ни в критику руководства, ни в живописание ужасов войны. И еще: он старается никого не осуждать. Даже тех, кто сдает своих немцам. Он пытается честно и предельно объективно рассказывать о том, что тогда происходило, оставляя читателю возможность самому делать выводы.

А в конце сборника «Сквозь ночь» читателя ожидает прекрас-

ный сюрприз в виде глав из повести «Семь дней», той самой, где Волынский рассказывает о спасении дрезденских картин. Самое сложное — поверить, что описанное происходило на самом деле. Слишком уж смахивает эта история на детектив в стиле Умберто Эко: опустевший Цингер, рассказ свидетельницы, операция «М», статуи и картотека в замурованном помещении подвала Академии художеств, немая карта, заброшенная штольня. Будто бы специально для неверующих и сомневающихся в середине книги есть вкладка с фотографиями, подтверждающими, что и разрушенный Цингер, и немая карта, и, главное, старая каменоломня с картинами существовали на самом деле. А значит, существовали и расследование Волынского, и угроза гибели бесценных полотен Рембрандта, Джорджоне, Гольбейна, Веронезе.

Но странным образом, глядя на спасенные шедевры из Дрезденской галереи, мало кто вспоминает имя Леонида Волынского (или Рабиновича, это как вам угодно). Почему? А это уж извечная загадка нашей страны, которую если и можно понять, то уж точно не посредством разума.

Леонид Волынский. Сквозь ночь. М.: «Тerra — книжный клуб». 2005.